

Петренко Д.С.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ПРАВОВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ИНСТИТУТА БРАКА В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Аннотация: Предметом исследования являются процесс становления института брака в Древнем Риме. Осуществляется анализ дефинитивных аспектов брака в римской социальной и правовой жизни, рассмотрение отдельных факторов и условий брачного сожительства. Автор статьи, также, исследует историко-правовые аспекты, касающиеся соотношения институтов *iustum matrimonium* (законного брака) и *manus* в римском праве, эволюции роли женщины в системе древнеримских брачных отношений, значение, которое представлял, для развития системы брачно-семейных отношений древнеримского общества, связанный с браком институт приданого (*dos*), развитие процедур формализации законного брака в Древнем Риме. В своем исследовании автор использует диалектико-материалистический философский метод, общенаучные методы (анализа и синтеза, системный и дедуктивно-индуктивный). В работе, также, применяются специальные юридические методы (формально-логический (догматический), сравнительный и исторический). Научная новизна заключается в обосновании, в том числе, на основе нового материала, вывода об отличиях между юридическими конструкциями *manus* и брака, которые представляются разнопорядковыми явлениями римского права, возникшими в разное время и нацеленными на решение, хотя и близких друг другу, но неодинаковых социальных задач. В связи с этим, аргументируется тезис о том, что *manus* не является какой-то особой формой сожительства мужчины и женщины, исторически предважавшей появление брака. Это – менее сложная социальная конструкция, означавшая состояние неограниченной власти, господства мужчины над женщиной, имеющее первоочередной целью сугубо экономические выгоды от эксплуатации ее физических и детородных качеств.

Review: The subject of the research is the process of formation of the institution of marriage in Ancient Rome. The author of the article carries out the analysis of definitive aspects of marriage in Roman social and legal life and studies particular factors and conditions of marital cohabitation. The author of the article also studies historical and legal aspects of the relation between the institution of *iustum matrimonium* (marriage in law) and *manus* in the Roman law, evolution of the role of woman in the system of marital relations, the significance of the institution of dowry (*dos*) for development of the system of marriage and family relations in ancient Rome and the development of procedures of formalization of legal marriage in ancient Rome. In his research the author uses the dialectic-materialistic philosophical method, general scientific methods (system, deductive and inductive analysis and synthesis, comparative and historical analysis). The author also uses special law methods (formal logical (dogmatic), comparative and historical law methods). Scientific novelty is the proof of the difference between legal constructions of *manus* and marriage based on new facts and data. *Manus* and marriage were two different phenomena of the Roman law. They appeared at different times and were aimed at solution of different social tasks. In this regard, the author of the article proves the thesis about *manus* being a complicated social construct of unlimited domination of a man over a woman for the purpose of economic benefits and exploitation of woman's physical and childbearing features but not a special form of cohabitation of man and woman and historical prerequisite of a legal marriage.

Ключевые слова: римский брак, *confarreatio*, *coemptio*, приданое, *iustum matrimonium*, *manus*, *cum manu*, *sine manu*, *conventio in manum*, *usus*

Keywords: Roman marriage, *confarreatio*, dowry, *iustum matrimonium*, *manus*, *cum manu*, *sine manu*, *conventio in manum*, *usus*.

Брак как целостное социальное явление, обладающее реальными очертаниями, в Древнем Риме возник достаточно поздно. Соответственно, не сразу он нашел и признание в римском праве. Характерно, например то, что в древнейшем *ius civile* (цивильном праве) отсутствовали какие-либо внятные упоминания не только самого понятия брака, но и вообще какие-либо вразумительные нормы, регулирующие различные аспекты его функционирования. Брачное сожителство женщин и мужчин, медленно эволюционировало от неиндивидуальных форм полигамного¹ характера к моногамному браку, который в социальной практике, не говоря уже о нормах права, стал, в более-менее устойчивых контурах, утверждаться только в период Республики.

При этом несколько первых столетий, в Древнем Риме брак представлял собой не юридический институт, а только употребляемое в общественной практике фактическое отношение (союз), развивавшееся вне узкой сферы официального права². Государство длительное время не вмешивалось в этот вопрос, отдав его «на откуп» неправовым социально-нормативным регуляторам (нормам обычаев, морали, религиозным, корпоративным, этическим).

Ближе к периоду поздней Республики римские официальные власти начинают проявлять интерес к этому общественному институту, постепенно связывая с ним некоторые значимые правовые последствия. Однако ни правотворческие органы, ни начинающаяся нарождаться римская юриспруденция, в эту пору еще не давали нормативного определения брака, а лишь медленно

¹ Полигамия (греч. – многочисленный брак) – это форма брака, при котором брачный партнёр одного пола имеет более одного брачного партнёра противоположного пола. Она имеет две формы – полиандрию, когда одна жена имеет двух мужей и более и полигинию, когда мужчина одновременно состоит в браке более чем с одной женой. Полигамия противопоставляется моногамии, когда в браке находятся один мужчина (супруг, муж) и одна женщина (супруга, жена).

² Необходимо учитывать то обстоятельство, что издаваемые или санкционируемые римским государством правовые, в том числе законодательные нормы, начали конкурировать с обычаями только после установления Республики (с VI в до н.э.). Число законов в эту эпоху было не велико. Даже если учесть понятный недостаток документальных подтверждений, к настоящему моменту удалось обнаружить только 800 законов, принятых вплоть до установления Империи, из которых лишь 26 законов касались частного права (См.: Рулан Н. Историческое введение в право [гл. науч. ред. А.И.Ковлер; коммент. В.Г.Буткевич; пер.с фр. А.Б.Воронов [и др.]. – М. : NOTA BENE, 2005. – С.64).

трансформировали его в официальное право, отталкиваясь от социальной практики повседневного-бытового насыщения брачного сожителства реальным содержанием, а также его восприятия общественным сознанием, придавая ему статус правоотношения.

Первым реальным государственным вмешательством в эту сферу, вобравшим в себя брачно-семейные установки позднеереспубликанской юриспруденции, можно считать законодательство императора Августа³, которое, возможно первым придало браку прямое юридическое значение, четко отличая его от неформального сожителства и подробно регулируя многие последствия брачного союза. Августовское и последующее императорское законодательство позволило очертить относительно конкретные параметры брака, установив, какие именно формы продолжительного сожителства мужчины и женщины власть отныне намерена признавать имеющими юридическое значение. Такими формами были законодательно определены официальный брак и конкубинат. Но четкого, практичного определения брака, которое полностью соответствовало бы целям государственной политики и жизненным реалиям социума, римское право так и не сформулирует на всем протяжении своего существования.

Римские юристы, конечно, предлагали свои дефиниции брака, но все они в той или иной мере были мало конкретными и неубедительными, изобилующими пафосными и морализаторскими мотивами, вступающими в очевидное противоречие с действительной практикой семейных отношений

К примеру, позднеклассический юрист Горенний Модестин (III в. н. э.), определял брак, как «союз мужа и жены, общность всей жизни, единение божественного и человеческого права»⁴. Эта, дефиниция впоследствии снискала наибольшую популярность в средневековых европейских правовых порядках, а отдельные ее элементы до сих пор присутствуют в каноническом праве⁵.

³ Речь идет о ряде принятых в период от 18 г. до н. э. до 9 г. н. э. (более точная датировка затруднительна) императором Августом законов, направленных на укрепление семьи, брака и повышение рождаемости. Среди них: Закон против прелюбодеяний (*Lex Iulia de adulteriis coercendis*). Закон о браке (*Lex Iulia de maritandis ordinibus*) и закон Папия и Пуппия (*Lex Papia Poppaea*). В дальнейшем повествовании ссылки на эти важнейшие законы будут делаться нами неоднократно.

⁴ D. 23. 2. 1.

⁵ После того, как в 1983 г. Кодекс канонического права был в очередной раз переработан и провозглашен в апостольской конституции Иоанна Павла II «*Sacrae disciplinae leges*»,

Однако, «романистическое» определение Модестина, будучи основано не столько на утилитарных мотивах имущественного характера, сколько на высокопарных нравственно-этических посылах, во многом не соответствовало действительному состоянию брачно-семейных отношений, существовавших в архаические, республиканские и даже в современные этому римскому юристу, имперские времена. Достаточно хотя бы вспомнить, что на протяжении всей римской истории, пребывавшая в браке женщина не обладала равноправием с мужчиной. Длительное время было общепринято, чтобы супруга находилась под властью (*manus*) своего супруга. Она в той или иной мере была лишена полноценных возможностей самостоятельных действий личного, публичного и имущественного характера. Ей предписывалось всюду следовать за мужем (а не наоборот), жить с ним в одном доме (а не ему в ее жилище). Римский муж со временем получил официальное право параллельно с браком вступать в законное сожитительство с другой женщиной (конкубинат), иметь детей в этом сожительстве, тогда как жена под угрозой суровых санкций уголовного характера ничего подобного сделать не могла и т.д. Даже в классический период римского права, когда оно достигло наивысшей степени своего развития, жена отнюдь не являлась равноправной деловой соратницей и житейским товарищем своего мужа.

Справедливости ради необходимо заметить, что дать определение брака, которое удовлетворило бы всем практическим требованиям и социальным установкам, неизмеримо сложно (если вообще возможно). Показательно, что в современном российском семейном праве, нет ни одной легальной нормативной дефиниции брака, так как в условиях поликонфессиональности, политэтничности и поликультурности России, определить единое понимание брака – задача практически нереализуемая. В Древнем Риме это было не менее затруднительно, так как на начальных этапах его истории, институт брака только переживал свое становление, еще не оформившись в конкретное социальное явление. А впоследствии возникли уже другие препятствия, связанные с тем, что в период расцвета

Империи, на ее просторах одновременно сосуществовало несколько контрадикторных друг другу брачных традиций. Среди них наиболее непримиримым было противостояние между моногамией, оформившейся к этому времени у самих римлян, и полигамией, являвшейся одной из фундаментальных традиций, господствовавших в восточных провинциях⁶.

Но если римские юристы в силу этих обстоятельств не преуспели в своем дефинитивном анализе брака, то в описании отдельных факторов и условий брачного сожительства, в казуистике связанных с ним спорных обстоятельств, римская классическая юриспруденция, как обычно была на высоте.

Так, важным фактором, влияющим на содержательные аспекты брака, с точки зрения римлян являлась его цель, которой они считали производство на свет потомства (*liberorum quarendorum causa*). Причем, потомство было необходимо как с точки зрения преумножения количества рабочих рук в подвластной патерфамилиасу (мужу) семье, так и для целей передачи семейного имущества рожденным детям по наследству в будущем. Без рождения детей брак, по римским представлениям во многом утрачивал свой смысл и скорее напоминал простое сожитительство. Очевидно, также, что эта цель была одной из тех мировоззренческих установок римлян, которые, определяя отношение римлян к браку, делали принципиально невозможной не только существование, но даже саму постановку вопроса о допустимости каких бы то ни было однополых брачных союзов.

Другим важным фактором системы супружеских отношений являлось то, что она длительное время строилась вокруг весьма реальной правовой конструкции называемой *manus, in manum* (буквально – «кулак») – состояния абсолютной мужской (помимо отцовской *potestas*) власти над женщиной, в частности мужа над женой.

Сравнивая две римские правовые конструкции власти над личностью – *in potestas* (устанавливаемую, как правило, отцом над детьми) и *in manum* (супруга над супругой) Гай со свойственной ему содержательной лаконичностью замечает: «*In potestate* обыкновенно бывают и мужчины и женщины, *in manum* – толь-

определение брака звучит следующим образом: «Кан. 1055 – § 1. *Брачный союз*, посредством которого мужчина и женщина устанавливают между собою *общность всей жизни*, по самой природе своей направлен ко благу супругов, а также к порождению и воспитанию потомства...» (См.: Кодекс канонического права – М.: Институт философии, теологии и истории св.Фомы, 2007. – С. 406).

⁶ В восточных регионах Империи встречались и другие аномальные с точки зрения римских традиций брачные проявления, например, у древних египтян дозволялся и приветствовался близкородственные браки между родными братьями и сестрами.

Политика и общество 12 (108) • 2013

ко женщины»⁷. *Manus* была всеобъемлющей формой власти мужчины-гоподина над подвластной ему женщиной и давала ему право продавать ее посредством манципации (*ius vendendi*), налагать на нее физические наказания и даже лишать женщину жизни за совершенные ею особо тяжкие проступки (*ius vitae ac necis*).

Необходимо учитывать, что *manus* и брак – это пускай и близкие, но все же отличные друг от друга социальные и правовые явления.

Первое из них возникло несколько ранее второго, в общем контексте присутствующего практически во всех обществах рабовладельческой эпохи, экономического и социально-патриархального преобладания мужчин над женщинами, а также ввиду необходимости строгого контроля мужа за имущественными действиями и трудовой функцией супруги⁸ (*uxor*). Жесткость *manus* проявлялась также в надзоре за личным интимным поведением супруги, что объяснялась стремлением не допустить ее адюльтера, угрожавшего появлением незаконнорожденных детей, влекущим неопределенность в наследственных отношениях и наносящим урон сакральной «святости» семейного религиозного культа (*sacra familiara*).

В связи с этим, римский писатель-эрудит Плиний Старший (I в.), со ссылкой на раннереспубликанского автора-анналиста Фабия Пиктора (III в. до н.э.), передает эпизод о некоем Эгнации Мецении, который забил жену насмерть хлыстом за то, что она пила вино, что с точки зрения патриархальной морали являлось вопиющим проступком, косвенно свидетельствующем о явной аморальности женщины и ее предрасположенности к супружеской измене. При этом муж не был за это ни коим образом наказан⁹.

Роль женщины в такой системе отношений сводилась к выполнению простого набора производственной и детородной функций, что мало отличало ее, соответственно, от батрачки и наложницы. Это вряд ли позволяет считать супругу в данной ситуации буквально женой, если под этим словом понимать женщину с особым привилегированным партнерским и семейным статусом. Косвенным свидетельством невысокого, неотличимого от других членов *familia*, семейного ран-

жира супруги в состоянии *manus*, является появившаяся в древности установка формально приравнять ее к старшей дочери (*filiae loco*) по отношению к своему мужу, наравне со своими детьми, для которых она находилась на положении «как бы» сестры (*sororis loco*).

Лишь с течением времени, под влиянием смягчения римских общественных нравов, супруга начинает занимать исполненное высокого достоинства положение в доме, по отношению к другим подвластным мужу лицам и его гостям. В сознании римлян начинает преобладать мнение, что дети должны оказывать ей уважение, а супруг окружать знаками повышенного внимания. Ввиду этого она в психологическом плане становится для своего мужа полноценным житейским компаньоном, заслуживающим почетное именование мать семейства (*mater familias*). Все эти проявления в совокупности стало называться престижем брака (*honor matrimonii*), который постепенно начал внедряться в общественное сознание в качестве признака, отличающего жену от наложницы¹⁰.

И хотя формально, жена находящаяся под *manus* мужа, по-прежнему считалась находящейся на положении *filiae loco*, реальные ее позиции в семье уже во многом соответствовали критериям пускай и не равноправного, но партнерского брака. Французский историк П. Гиро, указывая на эту перемену в статусе римской жены, отмечал: «Это уже более не рабыня, беспомощная и угнетенная, это матрона, мать семейства, почитаемая рабами, клиентами и детьми, пользующаяся любовью и уважением своего мужа, любимая всеми хозяйка своего дома»¹¹.

Таким образом, можно считать, что институт брака (*iustum matrimonium*¹² – матримониальный брак) вырос параллельно и во взаимосвязи с *manus*. При этом будет ошибочным считать *manus* какой-то особой формой сожителства мужчины и женщины, исторически предварающей появление брака. В сравнении с ним это

⁷ Gai.I.109

⁸ Здесь термин супруга понимается в узком, буквальном смысле, производном от древнерусского слова съпрягаться – «состоит в половой связи», то есть как в первую очередь половой партнер своего супруга.

⁹ Plin. NH. XIV. 13.89 s.

¹⁰ Санфилиппо Ч. Курс римского частного права: учебник / Пер. с итальянского И.И. Маханькова. Под. общ. ред. Д.В. Дождева. – М.: Норма, 2012. – С.186.

¹¹ Гиро П. Быт и нравы древних римлян. – Смоленск: «Русич», 2001. – С. 39

¹² Римское классическое право различало *iustum matrimonium* (или *iustae nuptiae*), законный римский брак между лицами, имеющими *ius conubii* (юридической способностью к законному браку), и *iuris gentium matrimonium*, заключаемый между лицами, такой способностью не обладающими (такими, например, были браки между паломниками). Здесь и далее речь будет вестись о *iustum matrimonium*.

менее сложная социальная конструкция, означавшая состояние неограниченной власти, господства мужчины над женщиной, имеющее целью сугубо экономические выгоды от ее эксплуатации, а точнее ее физических и детородных качеств, но не более того.

Следует, также, обратить внимание на то, что брак и *manus* вовсе не были жестко взаимосвязаны.

Во-первых, сама *manus* могла возникать при отсутствии брака. Например, в случае фиктивной фидуциарной «покупки» женщины посторонним мужчиной у домовладыки, которая являлась юридической уловкой, с целью ее последующего освобождения от нежелательной для нее опеки.

Во-вторых, хотя в период древности практически во всех браках власть (*manus*) мужа являлась непременным элементом, уже тогда эпизодически встречались такие браки, в которых жена не переходила под власть мужа, оставаясь подвластной своего прежнего патерфамилиаса. А в позднереспубликанскую эпоху браки без власти мужа стали преобладающим явлением.

Это дало повод исследователям более поздних времен ввести дихотомию римских браков – их деление на две разновидности:

Matrimonium «cum manu» (брак «с мужней властью» над женой).

Matrimonium «sine manu» (брак «без мужней власти» над женой).

Такое деление является общепринятым в современной романистике и будет также принято к использованию в этом тексте нами, с той оговоркой, что указанная теоретическая классификация не упоминается в ранних римских источниках¹³ и является абстрактным обобщением, испытывавшим воздействие более поздней правовой традиции.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что нет повода не доверять источникам архаического периода, указывающим на общепринятый тогда обычай заключать браки только в форме *cum manu*. Вследствие такого брака жена вступала в агнатскую семью мужа и оказывалась, поскольку попала *in manu* мужа, в состоянии *alieni iuris* (лица чужого права) – по отношению к самому мужу. Если, в свою очередь, и сам муж был подвластным лицом *alieni iuris* (находился под властью своего *pater* (отца) или *avus* (деда)), то его жена также становилась подвластной своего све-

кра или мужнего деда. Если до брака жена была подвластной отца, а значит являлась *alieni iuris*, то она выходила из-под отцовской власти (*potestas*) лишь для того, чтобы попасть под *manus* мужа (или свекра, или мужнего деда). А если она была *sui iuris* (лицом своего права), то в связи с *conventio in manum* (лат. – поступлением под власть) она утрачивала все свои права, в которые вступал теперь ее новый домовладыка (муж, или свекор, или мужний дед).

В противоположность этому, появившийся позднее *matrimonium «sine manu»* представлял собой уже другую форму, основанную на равенстве супругов и неподвластности жены мужу. Важной особенностью этой брачной модели было то, что если жена, вступала в брак «*sine manu*», будучи подвластной своего отца (т.е. лицом *alieni iuris*), то после обретения положения замужней женщины, она все равно сохраняла свою прежнюю подчиненность отцовской власти, при этом оставаясь полностью свободной по отношению к своему мужу. Если же жена была *sui iuris* (лицом своего права), то она сохраняла свою личную и имущественную самостоятельность, как в отношениях с мужем, так и в отношениях со своим отцом. Она в этом случае была полноценной хозяйкой дома и матерью детей. Остальные вопросы находились в ведении мужа. В период Империи разновидность брака «*sine manu*» практически полностью вытеснила «*cum manu*».

Причиной этому стало то, что в классическую эпоху в системе семейных отношений древнеримского общества исключительное значение стал играть связанный с браком институт «приданого» (*dos*, производное от *do* – лат. – даю, или *dono* – лат. – дарю)¹⁴. В это время уже был сформирован целый комплекс правовых норм, обосновывающих общую концепцию в дотальном вопросе, основанную на том принципе, что приданое не переходит под власть мужа. И нормативно-правовое регулирование и правоприменительная практика теперь были едины в том, что целью приданого являлось облегчение несения тягот брака (*ad sustinenda onera matrimonii*), а значит, муж имел право лишь пользоваться дотальным имуществом (приданным) и получать с него плоды для удовлетворения семейных нужд. Таким образом, супруг относительно *dos*, в сущности, был всего лишь носителем права, содержание которого представляется более соот-

¹³ Например, в Институциях Гая (II в.) где достаточно подробно говорится о власти над лицами женского пола *in manu*, нет ни одного упоминания *sine manu* и *cum manu*.

¹⁴ В поздних источниках приданное называется, также, имуществом жены (*res uxora*).

Политика и общество 12 (108) • 2013

ветствующим узуфрукту¹⁵, чем собственности. Муж уже в любом случае был обязан вернуть приданое при расторжении брака, пускай и с возможными вычетами (*retentions*) в его пользу.

Социальная практика быстро откликнулась на эту принципиальную смену вектора в правовом регулировании отношений, связанных с *dos*. Состоятельные семьи, стали давать значительное приданое своим дочерям, тем самым упрочивая их будущее супружеское положение. Это и повлекло повсеместный переход от модели брачного сожительства *cum manu* к правовой конструкции *sine manu* – муж жены, чей статус был подкреплен лишь или в основном приданым, которое к тому же не находилось в его собственности, больше не мог иметь над супругой своей абсолютной власти. Ее отец, который наделил дочь приданым имуществом, в случае неудачного замужества дочери мог теперь вернуть назад переданные ее мужу дотальные средства. Опасение перед тем, что потребуется возвращать (возмещать) приданное, стало новой реальностью для мужей. Под ее воздействием стало смягчаться их отношение к женам, а в римском обществе отношение к женщинам в целом. Они стали обретать все более независимое положение, управлять собственным хозяйством и своим образом жизни¹⁶.

В браках, возникавших в форме «*sine manu*» (без мужней власти), патерфамилиас (домовладыка) жены, сохранивший над ней свою *patria potestas*, мог в любой момент потребовать ее к себе (отозвать), сделав, таким образом, невозможным то сожительство супругов, которое является одним из элементов, образующих брак.

Если же оба супруга были подвластными (*alieni iuris* – лицами не своего права), то каждый из их домовладык был вправе, по своему усмотрению, «разрушить» их брак, тем самым запретив им брачное сожительство.

Достаточно часто отцы практиковали отзыв дочерей, ввиду притеснений и дурного обращения с ними со стороны мужей. Правда, в этом случае отец должен был смириться с неизбежной потерей части приданого дочери, взыскиваемой в пользу мужа для воспитания рож-

денных в их браке детей, которые в Риме всегда оставались только с отцами (вычет из приданого *retentio propter liberos*). Кроме того, скорее всего, был неизбежен сложный судебный процесс, связанный с возвратом мужем остального приданого, а также многолетняя (до трех лет) процедура его реального возврата.

В другой ситуации, патерфамилиасом такой преднамеренный «развал» брака подвластной ему дочери (реже – подвластного сына), мог быть использован с сугубо корыстными целями повторного заключения ею (им) более выгодного брака, сулящего новые материальные или статусные преимущества дочери (сыну) и самому патерфамилиасу. Этим способом некоторые отцы зачастую могли перезаключать браки своих детей по нескольку раз. Существенным барьером для этих злоупотреблений был призван служить все тот же институт приданого, угроза потери которого являлась действенной гарантией от череды бесконечных расторжений браков. Для этой же цели недопущения манипулирования браками, предназначался и институт предбрачного дара¹⁷, введенный в эпоху Юстиниана. Впрочем, впоследствии император Антонин Пий (II в. н.э.) запретил расторгать брак по неоправданно произвольному желанию отца.

Представляется, что говоря о браке, также необходимо четко отграничивать сам этот институт, от возможных вариантов (форм) перехода жены под мужскую власть (*manus*).

Суть в том, что для юридического перехода женщины, предназначенной в супруги, под власть своего брачного партнера (либо его патерфамилиаса – отца, возможно деда), у римлян архаического периода практиковалось заключение специального соглашения о таком переходе (*conventio in manum*). Оно могло быть заключено одним из трех способов – конфарреации (*confarreatio*), коэмпции (*coemptio matrimonii causa*) и посредством давности (*usus*). Гай гово-

¹⁵ Узуфрукт (лат. *ususfructus*, от *usus* – пользование и *fructus* – плод, прирост, доход), в Древнем Риме – право пользования вещью, принадлежащей другому лицу, с получением от неё плодов или выгод, но с сохранением целостности вещи.

¹⁶ См.: Коуэл Ф. Древний Рим. Быт, религия, культура / Пер. с англ. О.Д. Сидоровой. – М.: ЗАО Центрполиграф. – С.72.

¹⁷ В послеклассическую эпоху, поначалу в азиатских и африканских провинциях Древнего Рима, а затем по всей Империи стал распространяться заимствованный с Востока обычай, согласно которому муж до брака (*ante nuptias*) делал жене подарок, рассматриваемый как доказательство серьезности его брачных намерений и способности к заработку, а значит и к тому, чтобы в последующем обеспечить супругу и детей. Кроме того, такой предбрачный дар в совокупности с приданым, должен был составить «стартовый капитал» нарождающейся семьи. Также, предусматривалось, что в случае расторжения брака по вине мужа, предбрачный дар останется навсегда у жены, подобно тому, как приданое, в случае виновности супруги, доставалось ее супругу.

рит об этом: «итак, некогда переход под власть мужа совершался тремя способами: конфарреацией, покупкой и давностью»¹⁸.

Confarreatio представляла собой древнейшую форму приобретения супружеской *manus*, представлявшую собой сложный торжественный обряд религиозного характера. Конфарреация, по мнению римлян, создавала полный союз мужчины и женщины по божественному и человеческому праву (*communicatio diviner humani iuris*), считалась своего рода высшей формой *conventio in manum* и была доступна только представителям патрициата. В классические времена конфарреация практически исчезла из практики, сохранив свою обязательность только для фиксации крайне ограниченной группы брачных отношений, в которые вступали представители жреческой корпорации, претендовавшие на должности старших фламингов (верховных служителей культа в Древнем Риме).

Большинство граждан плебейского, а впоследствии и квирицкого происхождения, прибегали к другой процедуре установления *manus* над супругой – *coemptio* (лат. – покупка). Этот своеобразный обряд представлял собой символическую продажу в форме манципации, то есть был обставлен всеми атрибутами обычной торговой сделки, осуществляемой посредством «меди и весов» (осуществлялся в присутствии специального лица («весовщика»), в присутствии пяти свидетелей из числа полноправных граждан и т.д.). Супруг, в процессе манципации, «как бы» покупал женщину у ее прежнего владыки (*отца* или *деда*), и становился ее новым господином. Девушке, однако, полагалось выразить свое согласие на то, чтобы ее «продали», иначе соглашение не имело силы. С течением времени эта форма установления власти применялась все реже, последние сведения о ней относятся к эпохе императора Тиберия (I в.).

Супружеская *manus* могла быть также установлена на основании архаического института «давности» (*usus*), в отношении женщины, которая непрерывно проживала в супружеском доме в течение года. Здесь юридическим правоустанавливающим эффектом являлась не какой-то обряд, что наблюдалось в случаях с конфарреацией, или сделка, как в ситуации с коэмпцией, а факт истечения непрерывного срока в 365 дней с момента начала совместной жизни мужчины и женщины. Проживание женщины должно было быть именно непрерывным в течении одного года, так как

если женщина не желала подпадать под *manus*, то ей было достаточно провести вне супружеского дома три ночи подряд (на которые она, как правило, уходила в дом своего отца), чтобы давность господства супруга над нею была аннулирована и начала течь снова. Такое своеобразное право называлось «правилом троевечия» (*usurpatio trinoctii*) и было предоставлено женщине законами XII таблиц¹⁹.

Так или иначе, но рассмотренные выше три способа (конфарреация, коэмпция и давность проживания) требовались для того, чтобы заключить *conventio in manum*, однако они не являлись формами брака.

В свою очередь, *manus* не являлось необходимым требованием действительности брака. Для признания его действительным римским правом позднее были выработаны критерии совсем иного характера (факт сожителства мужчины и женщины, а еще особое психологическое качество их взаимоотношений – *affectio maritalis* и др.).

В общем плане, история социально-правовой взаимосвязи *manus* и брака (*iustum matrimonium, iustae nuptiae*) вкратце была такова.

Брак, как четко оформившийся институт в Древнем Риме возник позднее *manus*. На определенном этапе они сосуществовали вместе в неразрывной связи – именно тогда установился первоначальный тип брака – «*cum manu*». Однако затем, такой брак, сопровождавшийся *manus*, вполне созвучный строению агнатской патриархальной семьи, вследствие ее распада начал создавать значительные социальные неудобства. Точнее неудобства создавала мужская власть (*manus*), предполагавшая принуждение женщины к тому, чтобы она во всех случаях вступала в агнатскую семью мужа, что стало теперь представляться излишним. Поэтому повсеместное распространение получила практика брака, который в позднейшие времена будет назван «*sine manu*» («без власти мужа»). Он тоже являлся законным браком (*matrimonium iustum*), однако уже без *manus*. По этой причине прежняя процедура установления мужней власти в форме *confarreatio* вышла из употребления еще в конце республиканского периода (сохранившись лишь в качестве необходимого требования для браков лиц патрицианского происхождения, претендующих на занятие некоторых высших жреческих должностей). Примерно в это же время римляне отказались и от практики «покупки невесты» (*coemptio*), а для «обхода» *usus*, почти всегда прибегали к «правилу троевечия»

¹⁸ Gai.I.110

¹⁹ Tab.VI.4

Политика и общество 12 (108) • 2013

чия» (*usurpatio trinoctii*). Впрочем, и этот институт, уже во времена Республики, согласно сведениям, приводимым Гаем²⁰, утратил свое значение, ввиду того, что им практически перестали пользоваться (*desuetudo* – «отвыкание от закона»).

Как видим, формы установления *manus* отмирали параллельно с ослаблением и выходом из обращения самого этого института. Одновременно с данным процессом в римской социальной и правовой практике развивался, приобретал самостоятельность и наполнялся конкретным содержанием институт брака.

Первоначально он не имел четкой формы и заключался посредством совершения неформальной брачной церемонии при помощи простого соглашения брачующихся (*consensus facit nuptias* – брак совершается соглашением²¹), за которым должно было, однако, обязательно последовать *deductio feminae in domum mariti* – введение супруги в супружеский дом.

В последующем установилась практика составлять документы (*tabulae, instrumentum dotale, instrumentum nuptiae*) формально подтверждающие факт заключения брака. Во времена первых византийских императоров возник обычай заключать брак в форме обряда венчания в церкви, который, однако, длительное время не признавался официальными властями в качестве правоустанавливающего факта. Лишь спустя несколько столетий, при императоре Льве VI Философе (IX в.), церковное венчание стало императивной нормой права.

Подводя итог сказанному, можно заключить, что древнеримские институты *manus* и брака (*iustum matrimonium*), представляются отличными друг от друга явлениями римского права, возникшими на различных исторических этапах, нацеленными на решение, пускай и близких друг другу, но неодинаковых социальных задач. Первое из них было формой экономического контроля мужчины над женщиной, которому сопутствовало их совместное проживание и коему были подчинены их личные отношения. А второе являлось более совершенной, многофункциональной формой совместного жительства мужчины и женщины, которая могла строиться как на основах экономического контроля со стороны мужчины (брак «*cum manu*» – «с мужней властью»), так и без такового (брак «*sine manu*» – «без мужней власти»). При этом, в римском обществе и юриспруденции сами термины «*cum manu*» и «*sine*

manu» не практиковались на всем протяжении архаической и классической эпох, и являются более поздними теоретико-правовыми наслоениями, сконструированными в пору далеко отстоящую от этих времен.

Библиография:

1. Гай. Институции / Пер. с латинского Ф. Дыдынского / Под. ред. В.А. Савельева, Л.Л. Кофанова. – М.: Юристъ, 1997.
2. Гиро П. Быт и нравы древних римлян. – Смоленск: «Русич», 2001.
3. Дигесты Юстиниана / Пер. с лат. И. С. Перетерский; Ред. Е. А. Скрипилев. – М.: Наука, 1984.
4. Институции Юстиниана. / Пер. Д. Расснера. (Серия «Памятники римского права»). – М.: Зерцало. 1998.
5. Ковалев С.И. Древний Рим / под. общ. ред. Э.Д. Фролова. – СПб.: «Полигон», 2003.
6. Коул Ф. Древний Рим. Быт, религия, культура / Пер. с англ. О.Д. Сидоровой. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006.
7. Кодекс канонического права – М.: Институт философии, теологии и истории св.Фомы, 2007.
8. Момзен Т. Римская История. Том 1. пер. Неведомский. – М.: Издание К. Т. Солдатенкова, 1887.
9. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права / Пер. с итальянского И.И. Маханькова. Под. общ. ред. Д.В. Дождева. – М.: Норма, 2012.
10. Рулан Н. Историческое введение в право [гл. науч. ред. А.И.Ковлер; коммент. В.Г.Буткевич; пер.с фр. А.Б.Воронов [и др.].-М. : NOTA BENE, 2005.

References (transliteration):

1. Gai. Institutsii / Per. s latinskogo F. Dydynskogo / Pod. red. V.A. Savel'eva, L.L. Kofanova. – M.: Yurist'', 1997.
2. Giro P. Byt i nrawy drevnikh rimlyan. – Smolensk: «Rusich», 2001.
3. Digesty Yustiniana / Per. s lat. I. S. Pereterskii; Red. E. A. Skripilev. – M.: Nauka, 1984.
4. Institutsii Yustiniana. / Per. D. Rassnera. (Seriya «Pamyatniki rimskogo prava»). – M.: Zertsalo. 1998.
5. Kovalev S.I. Drevnii Rim / pod. obshch. red. E.D. Frolova. – SPb.: «Poligon», 2003.

²⁰ Gai.I.111

²¹ D. 35.1.15

6. Kouel F. Drevnii Rim. Byt, religiya, kul'tura / Per. s angl. O.D. Sidorovoi. – M.: ZAO Tsentropoligraf, 2006.
7. Momzen T. Rimskaya Istoriya. Tom 1. per. Nevedomskii. – M.: Izdanie K. T. Soldatenkova, 1887.
8. Sanfilippo Ch. Kurs rimskogo chastnogo prava / Per. s ital'yanskogo I.I. Makhan'kova. Pod. obshch. red. D.V. Dozhdeva. – M.: Norma, 2012.
9. Rulan N. Istoricheskoe vvedenie v pravo [gl. nauch. red. A.I.Kovler; komment. V.G.Butkevich; per.s fr. A.B.Voronov [i dr.].-M. : NOTA BENE, 2005.